
КОФЕЙНЯ
НА КРАЮ
ПУСТОШИ
МАРГАРИТА КИРОВА

Маргарита Кирова
Кофейня на краю пустоши

https://litres.ru/73921768
SelfPub; 2026

Аннотация

ОТ АВТОРА – КНИГА БЫЛА ОБНОВЛЕНА, ПРОШЛА ПОЛНУЮ РЕДАКТУРУ И ВЫЧИТКУ. ВСЕМ СПАСИБО ЗА ОТЗЫВЫ.

Что делать бизнес-леди, если её кофейня обанкротилась?

1. Поплакать

2. Собрать вещи.

3. Случайно провалиться в другой мир через кладовку и возглавить проклятый кабак в самой жуткой дыре мироздания.

Вера Климова выбрала третий пункт. Теперь её клиенты — угрюмые воины, её меню — «жарница» с секретом, а её главная проблема — местный Командор, который смотрит на неё как на безумную, но каждое утро приходит за своей порцией кофе.

Тени за дверью шепчут о смерти? У Веры плотный график и немытые полы. Проклятие Мертвых земель наступает? Сначала оплатите счёт!

История о том, что настоящая женщина наведет уют даже в преисподней. А если Темный лорд будет против — что ж, он просто ещё не пробовал её фирменный раф.

Содержание

Глава 1. Последний день кофейни 4
Глава 2. Трактир, который хотел умереть 13
Глава 3. Первая ночь у Мёртвых земель 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Маргарита Кирова
Кофейня на краю пустоши

Глава 1. Последний день кофейни

Вера Климова сняла с витрины последнюю ценовую табличку и задержала её в руке. Картон был плотный, ламинированный, совершенно равнодушный к тому, что случилось с кофейней.

«Круассан миндальный – 180».

Смешно. Круассанов больше не было. Миндаля тоже. Две недели назад она обещала поставщику оплатить старый счёт до пятницы, потом до понедельника, потом перестала брать трубку, потому что в сорок лет уже умела отличать надежду от унизительного торга с реальностью.

За окнами шёл мелкий ноябрьский дождь – грязный, будничный, совершенно непригодный для красивого начала новой жизни. Он пачкал стекло, собирался на подоконнике мутными дорожками и капал на вывеску кофейни, где две точки над буквой «ё» давно перегорели, а заменить лампы всё не доходили руки.

«Теплая чашка».

Без точек над буквой название выглядело усталым; Вера тоже.

Вера положила табличку в коробку к остальным: «капучино», «раф ванильный», «сырники с малиновым соусом», «завтрак до двенадцати». На дне лежал короткий список долгов, напечатанный банком с равнодушием к тому, что речь шла о четырёх годах её жизни, а не о просроченном пакете молока.

Она могла бы заплакать.

Наверное, женщина в такой день должна была заплакать. Сесть на пол среди коробок, прижать к груди старый фартук с пятнами шоколада и дать себе право на маленький, приличный нервный срыв.

Вера попробовала: села, посмотрела на фартук и подумала, что его всё равно надо постирать перед тем, как отдать сестре на дачу. Потом поднялась.

– Ну конечно, – сказала она пустому залу. – Даже трагедию нормально устроить не могу.

Пустой зал не возразил.

Стулья стояли на столах ножками вверх. На одной висела тонкая паутинка; Вера раздражённо стёрла её пальцем. Бизнес закончился, аренда закончилась, мечта тоже, а пройти мимо пыли она по-прежнему не могла.

Кофемашину забрали утром.

Двое мужчин в одинаковых серых куртках отключали её без церемоний, не замечая, что Вера стоит у стойки и смотрит, как из стены вынимают то, вокруг чего четыре года строилось каждое её утро. Один спросил, где подписать акт. Вто-

рой сказал, что аппарат хороший, жалко. Она расписалась и никого не ударила по голове темпером. Значит, день уже можно было считать успешным.

Осталась старая турка.

Медная, чуть помятая, с деревянной ручкой, потемневшей от времени и её пальцев. Отец когда-то привёз её из командировки и заявил, что настоящий кофе варят только так, а все эти аппараты – для людей, которые разучились ждать.

Вера тогда была двадцатилетней, самоуверенной, со стрижкой, которую сейчас называла бы преступлением против шеи. Она смеялась и говорила, что ждать – это роскошь для тех, у кого нет утренней смены. Отец варил кофе медленно, почти торжественно, и каждый раз клал слишком много сахара.

Теперь турка стояла на чистой, уже чужой стойке. Рядом – последняя пачка зёрен. Её любимая обжарка: тёмная, с запахом горького шоколада и дыма.

Вера включила маленькую электрическую плитку, которую арендодатель почему-то не забрал вместе с остальным. Налила воду. Смолола зёрна в ручной мельнице. Металл скрипнул. Запах оказался последней знакомой вещью в этом помещении, и на секунду Вера замерла.

– Не начинай, – сказала она себе. – Кофе не виноват.

Вода прогрелась. Порошок лёг в турку тёмной шапкой. Вера следила, как по краям поднимается пена, дрожит, собирается бежать, и в последний миг сняла турку с огня.

Из горечи она умела вытаскивать вкус. С жизнью этот номер проходил реже.

Она налила кофе в толстую белую чашку без блюдца, с тонкой трещиной у ручки и почти стёртой надписью «Второй шанс». Села за столик у окна, где раньше чаще всего работали студенты с ноутбуками, и сделала глоток. Горько. Хорошо.

Часы над дверью показывали десять вечера. До полуночи нужно было закончить с коробками, закрыть воду, оставить ключ под ковриком для хозяина помещения. Завтра придёт новый арендатор. Может, магазин телефонов. Может, маникюрный салон. Помещение быстро обживут дешёвым пластиком и яркой вывеской, будто четырёх лет здесь не было.

Колокольчик над дверью звякнул. Вера закрыла глаза.

– Закрыто.

Колокольчик звякнул ещё раз, тише – дверь словно задели плечом.

– Я сказала, закрыто.

– Я услышал.

Мужской голос был низким, хриплым и слишком спокойным для позднего посетителя. Нормальные либо извинялись, либо требовали кофе, потому что «ну вы же всё-таки здесь».

Вера повернулась. У двери стоял человек в мокром чёрном плаще.

Он не походил ни на бездомного, ни на пьяного, ни на ку-

рьера, заблудившегося в поисках соседней пиццерии. Стоял прямо, не шевелясь, и шум дождя за его спиной почему-то казался неуместным.

Плащ тоже был странный – не похожий ни на театральный костюм, ни на готическую вещь из магазина реквизита. Плотная тёмная ткань отяжелела от воды, застёжка доходила до горла, перчатки закрывали запястья. На капюшоне таял снег.

Снег. Вера посмотрела в окно. Там шёл дождь.

– У нас закрыто, – повторила она, уже медленнее.

Мужчина оглядел зал: коробки, перевёрнутые стулья, пустую стойку, турку на плитке.

– Я ненадолго.

– Это не вопрос времени. Это вопрос того, что у меня больше нет кофейни.

– Но кофе есть.

Он не улыбнулся и даже не попытался казаться обаятельным. Это Вера оценила.

– Последняя чашка, – сказала она. – Моя.

– Я заплачу.

– Её нельзя купить.

Он посмотрел на чашку в её руке, потом на неё саму. Фартук, кое-как заколотые волосы и красные от моющих средств пальцы его не смутили. Он разглядывал Веру, как треснувшую чашку: выдержит ещё кипяток или уже нет.

Вере это не понравилось.

– Вы откуда такой красивый? – спросила она. – С ролевого фестиваля смерти и плохих решений?

Мужчина едва заметно моргнул.

– Красивый?

– Не цепляйтесь к второстепенному.

– Я бы попросил самое горькое, что у вас есть.

– У меня есть кофе, просроченный договор аренды и настроение человека, которому нечего терять. Выбирайте.

Он медленно снял перчатку. Пальцы были бледные, длинные. На суставе большого пальца – старый шрам, белый и ровный, как след от тонкого лезвия.

На стойку легла монета.

Монета не походила ни на рубль, ни на евро, ни на сувенир из автомата. Тёмное серебро, почти чёрное; на нём – башня над кривой линией, похожей на расщелину. На большом пальце мужчины темнел круглый ожог точно такого же размера.

От монеты потянуло холодом.

Холод коснулся кожи вполне отчётливо. Воздух над стойкой задрожал, и вокруг монеты проступил тонкий круг инея.

Она осторожно поставила чашку на стол.

– Заберите.

– Плата честная.

– Я не знаю, чем вы платите, но моя страховка это не покрывает.

– Вам больше не нужна страховка.

Во рту пересохло. Вера уже считала расстояние до выхода, телефона и ножа для лимонов.

Телефон лежал у кассы. Ножа не было. Выход – за спиной у мужчины.

– Послушайте, – сказала Вера ровно. – Я устала. Очень. У меня был длинный день, длинный год и, если честно, не самая выдающаяся жизнь в плане удачных решений. Поэтому я сейчас не буду изображать героиню. Вы забираете свою монету, выходите, а я забываю, что вы сюда заходили.

Он посмотрел мимо неё, на дверь в подсобку.

Дверь была обычная. С облупившейся белой краской, за ней – раковина, швабры, коробка с бумажными стаканчиками и маленькое окно во двор. Вера знала каждый скол на этой двери.

По краям створки потёк серый свет – сырой, холодный, похожий на утро там, где не бывает солнца.

Мужчина снова надел перчатку.

– Поздно, – сказал он.

– Что поздно?

Он не ответил.

Вера медленно поднялась. Ноги стали ватными, однако она пошла не к выходу, а к подсобке.

Странные звуки она проверяла всю жизнь – кофемашины, холодильники, трубы. Разум велел бежать, но рука уже тянулась к двери.

– Не открывайте, – сказал мужчина.

Она остановилась.

– Вы серьёзно думаете, что после такой фразы я не открою?

– Думаю, вы откроете.

– Тогда зачем сказали?

– Чтобы потом не тратить время на сожаление.

Вера едва не рассмеялась, но вместо этого взялась за ручку.

Металл обжёг холодом. Дверь открылась сама. Подсобки за дверью не было.

Исчезли раковина, швабры, коробка с бумажными стаканчиками, двор, мусорные баки и мокрая кирпичная стена соседнего дома.

За дверью стояла ночь.

Снег летел горизонтально, как пепел из огромной печи. В лицо ударил ветер с запахом железа, дыма и залежалой сырости. Перед Верой чернела дорога, за ней – голое поле до самого горизонта, где угадывалась линия стены или скал. Небо без городского света висело низко; казалось, протяни руку – и испачкаешь пальцы в саже.

А прямо над дверью, с той стороны, скрипела вывеска.

Чужие буквы были острыми, похожими на птичьи кости.

Вера стояла на пороге своей подсобки и смотрела на мир, который не имел права существовать.

Сзади звякнул колокольчик. Она обернулась. Кофейня исчезла.

На месте кофейни тянулся тёмный зал с проваленной частью потолка, длинной стойкой и чёрным очагом. Столы были обуглены, исцарапаны, один держался на подложенном камне. В углу на балке висела паутина толщиной с шерстяную нитку.

Человека в плаще больше не было. На стойке лежала монета. Рядом – её медная турка. У ножки ближайшего стола белела чашка без блюдца, та самая, из которой она пила перед появлением незнакомца. Значит, дверь пропустила не только её.

Вера закрыла дверь, потому что в зал заметало снег.

Правил этого места она не знала. Знала только, что за дверью снег, за стенами чужая смерть, а внутри грязно.

– Нет, – сказала она.

Трактир, если это был трактир, ответил скрипом.

– Я сказала, нет.

Где-то в темноте за стеной завыл ветер. Возможно, зверь. Вера предпочла считать, что ветер.

Вера прислонилась спиной к двери, обхватила себя руками и простояла так, пока холод не полез под фартук, под кофту, под кожу.

Паника поднялась до горла. Вера сглотнула, посмотрела на стойку, грязь, паутину и турку, потом вытерла нос рукавом и сказала:

– Ладно. Сначала найдём тряпку.

Глава 2. Трактир, который хотел умереть

Тряпка нашлась под стойкой.

Когда-то это, вероятно, было тряпкой. Теперь серый комок напоминал мумию небольшого зверя и пах так, словно им вытирали всё подряд, включая последствия убийства. Вера подняла его двумя пальцами, вынесла к двери, приоткрыла её и выбросила в снег.

Снаружи что-то тут же зашуршало. Вера закрыла дверь.

– Приятного аппетита, – сказала она.

Голос прозвучал громко в пустом зале.

Трактир оказался хуже, чем показалось сначала. В темноте грязь сливалась с общим запустением, но стоило Вере найти огарок свечи и разжечь его от странных углей в очаге, как у запустения появились подробности.

Пятна на полу. Засохшая грязь у порога. Липкая полоса на стойке, которую она решила пока считать разлитым пивом, потому что другие версии требовали слишком много душевных сил. Плесень в углу. Следы когтей на дверном косяке. Дохлая мышь под перевёрнутым табуретом.

Дохлая мышь почти утешала: маленькая, обычная и мёртвая по вполне понятным причинам.

– Ну хоть кто-то здесь вёл себя согласно жанру, – сказала

Вера и пошла искать, во что её завернуть.

За стойкой обнаружился ящик. В нём лежали ржавый нож, три деревянные ложки, моток верёвки, два кривых гвоздя и кусок мыла цвета старого сала. Вера понюхала мыло, пожалела, что родилась с носом, но оставила. Нашлась и щётка с жёсткой щетиной: ручка треснула, зато щетина держалась. Для начала этого хватало.

Воды внутри не было. За задней дверью, после короткого коридора с провалившимися досками, обнаружился двор: низкий забор, колодец, почти пустой дровяной навес и небо с непривычно резкими звёздами.

Вера стояла у колодца и дышала паром.

Холод кусал щёки. Снег припорошил кеды, совершенно непригодные для другого мира, зимы и конца света. На Вере были джинсы, свитер, фартук и старый кардиган, в котором она обычно выходила к мусорным бакам. В приличной истории у героини сейчас обнаружились бы сапоги, меч или хотя бы врождённая магия, способная решить вопрос отопления. У Веры обнаружились только кеды.

На горизонте чернела крепость.

Крепость она сначала приняла за скалу. Ветер сдвинул снеговую завесу, и в темноте проступили широкие грубые стены, башни, редкие синие огни. Крепость лежала на каменном выступе тяжёлой тёмной массой, закрывая полгоризонта.

За ней начиналась пустошь.

Вера не понимала, откуда взялась уверенность, но за крепостью начиналась пустошь. Земля там выглядела не просто тёмной или далёкой – мёртвой. Над ровной чёрной полосой не дрожала ни одна звезда.

– Великолепно, – сказала Вера. – Вид на кладбище размером с область. За такое обычно доплачивают.

Колодец оказался рабочим, ведро – дырявым, но не безнадёжно. Дважды Вера вытаскивала только половину воды, пока не заткнула щель клочком, оторванным от нижнего края фартука. Вода была ледяная, прозрачная, с металлическим вкусом. Она принесла внутрь три ведра.

На четвёртом руки перестали слушаться, на пятом Вера разозлилась. Злость оказалась полезнее паники: та предлагала лечь на пол и ждать взрослого, а злость напоминала, что пол грязный и лежать негде.

Вера выбрала участок у стойки и начала тереть.

Щётка с визгом скребла дерево. Вода быстро стала чёрной. Под грязью обнаружились тёмные крепкие доски с глубокими порезами. Кто-то когда-то любил это место достаточно, чтобы настелить пол из хорошего дерева. Потом другой хозяин позволил ему гнить.

– Я тебя понимаю, – сказала Вера стойке. – Но это не повод распускаться.

К утру Вера отмыла кусок пола размером с коврик у входа, вытащила три ведра мусора, нашла мешок странной серой крупы, связку засохших трав и деревянную кружку без

ручки. Обнаружилась и лестница наверх, но туда она пока не пошла. На второй этаж заброшенного трактира у мёртвой пустоши стоило подниматься вооружённой, с союзниками и хотя бы в нормальных ботинках. Из всего списка у неё был только ржавый нож.

Когда в дверь постучали, Вера как раз пыталась развести огонь в очаге. С первого раза не вышло. Со второго тоже. К третьему она была готова заключить сделку с кем угодно, лишь бы угли признали её право на тепло.

Стук повторился – три тяжёлых, совершенно невежливых удара.

Вера взяла нож и сразу пожалела о трёх вещах: что он ржавый, что она не пошла на курсы самообороны и что в случае нападения умеет разве что очень выразительно попросить не пачкать пол.

– Кто там? – крикнула она.

За дверью помолчали. Потом мужской голос сказал:

– Открывай, пока мы не решили, что внутри мёртвяк.

– А мёртвяки обычно открывают?

Снаружи кто-то хмыкнул.

– Не такие разговорчивые.

Вера подошла к двери, но засов не сняла.

– Представьтесь.

– Что?

– Назовите себя. У меня здесь заведение, а не проходной двор.

На этот раз молчание затянулось. Наконец другой голос, моложе и почти весёлый, сказал:

– Да она живая.

– Пока не факт, – проворчал первый. – Живые тоже бывают дурные.

Вера приоткрыла дверь на ширину ладони. На пороге стояли двое.

Оба были в кожаных куртках с металлическими пластинами, тёмных плащах и с настоящими, заточенными мечами у пояса. Первый – широкоплечий, бородатый, лет пятидесяти, с носом, который ломали не меньше двух раз. Второй – молодой, рыжий, с веснушками и глазами человека, ещё не научившегося скрывать любопытство.

Они одновременно уставились на фартук, кеды и нож в её руке.

Рыжий первым поднял ладони.

– Мы не грабители.

– Очень жаль, – сказала Вера. – Грабители обычно приносят с собой мешки. Мне бы пригодились.

Бородатый нахмурился.

– Кто ты?

– Вера.

– Чья?

– Своя.

Рыжий фыркнул. Бородатый глянул на него так, что тот сразу закашлялся.

– Откуда взялась?

Вера оглянулась на зал. На ведро, грязную воду, мышь, завёрнутую в тряпку и забытую на столе.

– Знаете, это длинная история, и я сама пока не одобрила её сюжет.

– Здесь нельзя оставаться, – сказал бородатый.

– Очень ценное замечание. Особенно когда я уже здесь.

– Это Чёрный порог.

Название он произнёс так, словно дальнейших объяснений не требовалось. Вера подождала. Напрасно.

– И что?

Рыжий переступил с ноги на ногу.

– Трактир проклят.

– Он грязный. Не надо преувеличивать.

– Все хозяева умерли, – сказал бородатый.

– Возможно, они не мыли руки.

Рыжий всё-таки улыбнулся. Бородатый не оценил.

– Женщина, ты на Пепельной дороге. В миле от Мёртвых земель. Ночью здесь ходит то, что не должно помнить дорогу к живым. Утром ты пойдёшь с нами в крепость.

– Утром я буду спать.

– Ты не поняла.

– Я многое не поняла. Например, почему у вас мечи, почему над моей подсобкой теперь чужая вывеска и почему снег лежит там, где десять минут назад был московский двор с мусорными баками. Но одно я поняла отлично: если сейчас

не вычистить очаг, я замёрзну раньше, чем ваши мертвецы решат зайти на чай.

Оба замолчали. Вера тоже замолчала, потому что в собственных словах впервые услышала, как безумно всё звучит.

Рыжий осторожно спросил:

– Что такое Москва?

Бородатый толкнул его локтем.

– Молчи.

Он снова посмотрел на Веру, теперь настороженно.

– Ты чужачка.

– Блестящий вывод.

– Чужаки здесь долго не живут.

– Местные, как я поняла, тоже не ставят рекорды.

Рыжий отвернулся и кашлянул в кулак.

Бородатый тяжело вздохнул: ему поручили охранять стену от тьмы, а приходилось спорить с женщиной в грязном фартуке.

– Я сержант Бран. Это Терин. Мы из Сольгарда.

– Из той крепости?

Вера кивнула в сторону горизонта.

– Других тут нет.

– Хорошо. Сержант Бран, Терин из Сольгарда, если вы не грабители и не мертвецы, у меня к вам деловое предложение.

– Нет.

– Я ещё не сказала.

– Всё равно нет.

– Мне нужны дрова, нормальная тряпка, сведения о том, где купить еду, и кто-нибудь, кто объяснит, какие твари умеют открывать двери.

– Никакие, если дверь не дура, – сказал Терин.

Бран продолжал молча разглядывать её.

– Я молчу, – сказал Терин.

Вера распахнула дверь шире.

– Взамен у меня есть крыша, очаг, когда я его наконец уговорю, и горячая вода. Скоро будет напиток. Возможно, отвратительный. Но горячий.

– Ты не хозяйка этого места, – сказал Бран.

– Уже спорно.

– У тебя нет права.

– С правами у меня сегодня беда. Зато щётка есть.

Она подняла щётку. Терин глянул на неё с уважением.

– Командору это не понравится.

Слово «командор» напомнило Вере о мужчине в плаще – не о лице, которое она толком не рассмотрела, а о голосе, пальцах и монете со знаком башни.

– Ваш командор часто расстраивается из-за чистых полов?

– Наш командор расстраивается из-за живых дур, которые стоят там, где должны быть мёртвые.

– Какая чувствительная натура.

Даже у Брана дрогнул угол рта.

Потом он снял с плеча связку тонких поленьев и бросил

у порога.

– До утра. Потом в крепость.

– Посмотрим.

– Это не просьба.

– Слышала. На просьбу это всё равно не похоже.

Бран развернулся. Терин задержался на секунду.

– Очаг тянет плохо, потому что заслонка забита, – сказал он быстро. – Там сверху рычаг. Только не суй руку глубоко, там могли быть гнёзда шипниц.

– Кого?

– Маленькие такие. С зубами.

– Конечно, с зубами. Спасибо, Терин.

Терин улыбнулся уже открыто и побежал за сержантом. Совсем мальчишка.

Вера закрыла дверь и прислонилась к ней лбом.

– Так, – сказала она. – Мёртвые земли. Проклятый трактир. Шипницы с зубами. Командор с настроением налоговой проверки.

Она посмотрела на поленья.

– Зато дрова.

Огонь удалось развести через полчаса. Заслонка действительно была забита. Шипниц не обнаружилось, и Вера записала это в редкие проявления милосердия со стороны новой реальности.

Когда в очаге наконец затрещало, зал изменился.

Уютнее не стало – до уюта было так же далеко, как до

нормального юриста по банкротству. Зато тени отступили от стен, отмытая часть стойки блеснула влажным деревом, а медная турка на полке поймала знакомый тёплый отсвет.

Вера налила в котелок воды, бросила щепоть серой крупы. Крупа пахла пылью и сеном, но голод был сильнее запаха. Она ела, обжигая язык, сидя на перевёрнутом ящике перед огнём.

Снаружи кричал ветер. Внутри было грязно, холодно и страшно, зато горел очаг, а при горящем очаге с отчаянием уже можно торговаться.

Вера пока воспринимала огонь как способ не замёрзнуть. Здесь он значил больше: пустые дома тени обходили равнодушно, а живые шли на огонь.

Дом, в котором для кого-то ставили греться воду, уже переставал быть просто стенами.

Ближе к рассвету Вера взяла нож и поднялась наверх.

Лестница скрипела под каждым шагом. На втором этаже было четыре комнаты. В первой – сломанная кровать и следы мышей. Во второй – сундук без крышки. В третьей – окно с выбитым стеклом, заткнутое доской. Четвёртая оказалась меньше остальных, но с целой дверью, узкой кроватью и матрасом, чьи лучшие дни Вера решила не уточнять.

Она сняла кардиган, свернула его вместо подушки и легла не раздеваясь.

Сон пришёл сразу, тяжёлый и быстрый, как падение в колодец.

Перед тем как провалиться, Вера подумала: утром её наверняка заставят идти в крепость. Но сначала она всё равно домоет стойку.

Глава 3. Первая ночь у Мёртвых земель

Проснулась она от голоса матери.

– Верочка.

Вера открыла глаза.

Комната была тёмной, холодной и чужой. Тени от щелей двигались по потолку, за окном свистел ветер. Вера лежала неподвижно, пока боль в спине, кардиган под головой и запах дыма не вернули память: дверь, снег, трактир, Мёртвые земли.

– Верочка, открой.

Мамин голос шёл снизу, из зала, и звучал точно так же, как в детстве, когда Вера запиралась в ванной после ссоры: ласково, устало, с обещанием не ругать, если Вера сейчас откроет дверь.

Вера села на кровати.

Пол под ногами был ледяной. Вера нащупала кеды, сунула в них ноги, не завязывая шнурки, и взяла лежавший рядом нож – ржавый, смешной, но всё-таки нож.

– Верочка.

Теперь голос звучал внизу, у входной двери. Вера медленно вышла на площадку лестницы.

Внизу было темно. Огонь почти угас, только угли свети-

лись красным. Сквозь щели в ставнях просачивался бледный снеговой свет и полосами ложился на столы, стойку, ведро у стены.

– Мам? – сказала Вера прежде, чем успела остановить себя.

В ответ – тишина и тихий скребущий звук по дереву.

– Я замёрзла, Верочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.